

Аксенов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии
Комсомольского-на-Амуре государственного
технического университета
dom-hors@mail.ru

**СИМВОЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ
2-Й ПОЛ. XIX В.**

Аннотация:

Статья посвящена анализу формирования символических элементов герба Приморской области во 2-й пол. XIX в. Рассматривается практика принятия и бытования символики, выявляются типичные заблуждения в восприятии символики Приморской области как первого городского герба г. Хабаровска. Анализируется семантика гербовых элементов.

Ключевые слова:

гербы, территориальная геральдика, символика, Приморская область, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Гербовое отделение, реформа Б. Кёне, окошечковые элементы, гербовые проекты.

Aksenov Andrey Aleksandrovich

PhD in History, Assistant Professor of
the Cultural Science Department,
Komsomolsk-on-Amur
State Technical University
dom-hors@mail.ru

**SYMBOL PRACTICES OF
THE PRIMORYE REGION
IN THE LATE 19TH CENTURY**

Summary:

The article deals with formation of the symbol elements of the coat of arms in the Primorye region in the late 19th century. The author considers adoption of the symbols, reveals typical delusions in interpretation of the Primorye region symbols in the first coat of arms of the Khabarovsk city. The author analyzes semantic meaning of the coat of arms' elements.

Keywords:

coat of arms, territorial heraldry, symbols, Primorye region of the Russian Empire, Khabarovsk, Nikolaevsk-on-Amur, Heraldic office, reform of B. Koehne, heraldic elements, heraldic design.

В современных условиях местного самоуправления вопрос маркирования пространства на уровне субъекта РФ стоит достаточно остро. И тем большую значимость приобретает историческая символика региона. Создавая символы субъектные и муниципальные, власти стараются сохранить преемственность в символике, реактуализировать ее. Однако зачастую здесь возникает проблема следующего свойства. При обращении к исторической символике не всегда понятно, что в сложном составном гербе является непосредственно символом города или региона, а что составляет вторичные административные или статусные элементы герба, не имеющие сегодня особого значения, а иногда и просто вредные для восприятия.

11 декабря 1857 г. при поддержке обер-гофмаршала графа Шувалова и министра Двора графа В.Ф. Адлерберга пост Управляющего новоучрежденного Гербового отделения Департамента Герольдии Правительствующего Сената в Санкт-Петербурге занимает выходец из Берлина Бернхард фон Кёне, прибывший в 1845 г. в Россию и заметно преуспевший, в научной деятельности на ниве вспомогательных исторических дисциплин [1, с. 320].

В 1857 г. Кёне занимается разработкой государственного герба и флага, а также переработкой и разработкой гербов членов императорской фамилии. Полученные результаты А.В. Хо-рошкевич, ссылаясь на историографов начала XX в., характеризует как «скомпанование древних и поздних эмблем в геральдические формы по прусскому образцу», как «эkleктическое нагромождение щитов, ампирических аксессуаров, псевдорусских шлемов и собственного небрежения» [2, с. 321].

Представления Кёне о русскости и о геральдической правильности породили весьма своеобразный гербовый стиль, «почти всегда толкуемый иностранными авторами как русская манера, а русскими – как иностранная, привнесенная и чуждая» [3]. В России эта реформа почти единогласно критиковалась как антирусская, грубо западническая, «прусская», проводимая «германским шпионом» [4].

Тем не менее Кёне, в меру своего восприятия и художественного вкуса, выстроил свое видение русской геральдики на внимании, уделяемом старинным традициям России (главным образом, догеральдическим, негеральдическим и даже на церковной иконографии). И такому подходу способствовала сама специфика немецких геральдических традиций, хорошо знакомых Кёне, но для России они как явление, привнесенное извне (изначально импортное), оказались непонятны и чужды.

Практически одновременно с модификацией государственного герба была проведена реформа территориальной символики, существовавшей ранее, а также созданы правила для создания новых городских гербов.

4 июля 1857 г. произошло знаковое для российской геральдики событие – Александр II подписывает Именной указ «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов». Согласно указу все территориальные гербы Российской империи должны были находиться в строгой и стройной геральдической системе [5].

Была установлена иерархия городов, которая определялась с помощью особых статусных корон и других околоритовых украшений. Данный Указ во многом определил облик российских гербов (без преувеличения можно сказать, что и до сегодняшнего времени). Статусные знаки – *suī generis* (гербовая униформа) сделала русские гербы более пышными, но в то же время породила и новые проблемы [6].

В конструкции герба в системе Кёне городской символ, выйдя из зависимого второстепенного положения (как это было в двучастных гербах в символической практике XVIII – сер. XIX в.) и перейдя из нижней (вторичной) части щита на все его поле, за исключением вольной части, тем не менее, не отразил города или провинцию как лицо или тем более корпорацию, а по-прежнему отражал лишь их бюрократическое понимание. Не более, чем просто звено административной системы [7]. К тому же городская зависимость от центра закреплялась при переходе города в новое административное подчинение посредством простого изменения в вольной части.

Созданная Б.В. Кёне система предполагала упорядочение всего многообразия гербового материала, разнящегося в зависимости от времени его создания, и создавала реальную возможность сбора российских территориальных символов в едином контексте. Ранговые различия позволяли точно определить место города в иерархической системе государства.

Для городов и регионов, ранее имевших гербы, реформирование было сопряжено с определенными проблемами, с которыми всегда сталкивается изменение привычного и устойчивого, на новое, априори воспринимаемого как худшее. Но для городов, еще не имевших гербов, да и в качестве городов, совсем недавно появившихся на карте Российской империи, реформирование геральдических практик и последовавший затем позитивный импульс позволил обрести собственную символику.

22 августа 1858 г. Б.В. Кёне официально поручен пересмотр всех земельных гербов, то есть он получает условия для воплощения материалов Указа на практике. Теоретически Указ имел непосредственное и немедленное действие, но усилиями Гербового отделения провести колоссальный объем работ оказалось невозможно. Сложность работы была не единственным затруднением, сказались и высшее императорское благоволение, а зачастую и его отсутствие.

Формирование новой геральдической системы важно в силу того, что все дальневосточные гербы, созданные после 1859 г., вплоть до 1917 г. функционировали исключительно в ее рамках. По сути дела, она ограничивает большую часть дореволюционного периода дальневосточной геральдики.

Для дальневосточных территорий процессы символических изменений в российской геральдике хронологически практически совпадают со временем основания основных городских поселений, особенно после Айгунского и Пекинского договоров с Китаем, что способствует повышенному вниманию к ним, в том числе и в геральдическом отношении. Например, герб Забайкальской области был утвержден уже 12 апреля 1859 г., хотя и имел более ранние по времени местные проекты [8, с. 195–204].

31 октября 1856 г. из приморских частей Восточной Сибири образуется особая область под наименованием Приморской области Восточной Сибири, местопребыванием военного губернатора области определяется г. Николаевск [9]. Что важно – административно в состав новой области вошла подлежащая расформированию Камчатская область. 8 декабря 1858 г. Сенату был дан Именной указ – Высочайше утвержденное Положение об управлении Амурской области. Начало указа звучало весьма торжественно: «С возвращением России Приамурского края, признавая необходимым дать этому краю управление, которое соответствовало бы местным его потребностям и будущему развитию в оном торговли и промышленности, мы, согласно представлению генерал-губернатора Восточной Сибири и положению Сибирского комитета, повелеваем:

1. Край сей разделить на две области, из коих первой сохранить теперешнее ее название Приморской области Восточной Сибири, а вторую именовать Амурскою областью» [10]. Административным центром Приморской области остается Николаевск, областным городом Амурской, назначается г. Благовещенск.

Создание (разработка) для Приамурья первого из городских гербов, созданных в пореформенное время (проекта герба для столицы Приморской области – г. Николаевска-на-Амуре) относится к 5 мая 1859 г. Для нас этот герб крайне важен, так как именно он послужил основой

для создания герба Приморской области 1878 г. и, соответственно, к ошибочному восприятию его композиции как первого герба г. Хабаровска.

Сразу оговоримся, что следует различать проекты двух видов. Первые – это проекты самого Гербового отделения – составленные и нарисованные на высоком профессиональном уровне (что неудивительно, так как состав Гербового отделения комплектовался из компетентных в области геральдики лиц (в том числе двое художников), в отличие от чисто канцелярского состава служащих соответствующей экспедиции Департамента Герольдии), но по каким-либо причинам не получившие Высочайшее утверждение [11]. Второй тип проектов – проекты, составленные на местах. В большинстве своем не профессиональные, не имеющие геральдической правильности и эстетики.

За исключением статьи К.М. Богатова, с датировкой проектов гербов Российской Империи и приложенными рисунками современных значков, выпущенных на их основе, вопрос об этом проекте герба г. Николаевска в историографии, посвященной дальневосточной символике, ни разу не поднимался [12].

Проект черно-белый, выполнен тушью, но в художественном отношении представляет полностью законченный герб, готовый к утверждению. Описание проекта герба следующее: «В серебряном щите лазуревый столб, между двух черных сопок, с червлеными пламенами» [13]. В качестве околщитовых украшений герб имел два золотых перекрещенных якоря (цвет якорей и других околщитовых элементов на рисунке, выполненном пером, не обозначен), соединенных Александровскою лентою, а сверху увенчан золотой башенной короной о трех зубцах. Здесь любопытно отметить конфигурацию короны, которая еще не имеет вызубренных просветов, как будет позднее принято для удобства восприятия монохромных рисунков, где без графического отличия, серебряная и золотая короны получаются идентичными. Проект был подписан Действительным Статским Советником О. Франком, Статским Советником В. Ленцем, и Коллежским Советником Б.В. Кёне [14].

Безусловно, что основой для разработки данного проекта послужил герб Камчатской области, получивший утверждение 22 июня 1851 г. [15]. Поглотив административно Камчатскую область, область Приморская восприняла и ее символику, как уже устоявшийся и проверенный временем символ (своеобразная рудиментарная ретроспекция символа). Поэтому для лучшего понимания символики герба и истории появления в нем вулканов, а также ценности этих символов для геральдики региона, необходимо рассмотреть историю создания герба для Камчатской области.

В 1849 г. (когда образуется Камчатская область), или, возможно, в 1850 г. по местной инициативе в Герольдию было представлено три проекта герба с ходатайством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева о представлении герба вновь утвержденной Камчатской области. Из трех проектов Николай I одобрил следующий: «В серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащая горы черного цвета. Щит увенчан золотою Императорскою Короною» [16, с. 12].

В первоначальном варианте описания проекта существовала фраза, не вошедшая в официальное описание: «В сим гербе украшения изображают отличительные черты Камчатского полуострова – огнедышащие горы, *единственные (подчеркнуто нами. – А.А.)* в Российской Империи» [17, с. 12]. Важность данного объяснения выбора в качестве символа именно вулканов – очевидна! Это именно тот элемент, который выделяет область на уровне государства, что является позитивным моментом для создания герба. К тому же извергающиеся вулканы – это достаточно старый и заметный по силе геральдический символ, да и не только геральдический (есть он и в книге «Символы и Емблемата») [18].

Кёне, пересматривавший российские гербы с целью замены негеральдических фигур, видимо остался доволен Камчатским гербом, перенес его основу на герб Приморской области и дополнив центральным столбом, что было необходимым для разграничения символики разных регионов, дало возможность уйти от ее идентичности. К слову сказать, разумность этого решения проявилась уже в 1909 г., когда после выделения Камчатской области в качестве самостоятельной административной единицы, она вернулась к прежнему гербу, сохранив его и для собственного обозначения и для обозначения областного центра.

Заметим, что сам Петропавловск-Камчатский, как областной центр в 1851 г. герба не получает – он будет утвержден лишь 26 апреля 1913 г. [19]. Это явилось отражением общей тенденции в утверждении городских гербов для дальневосточных областей, и объясняет, почему проект Николаевского-на-Амуре герба оказался неутвержденным. Даже в период непосредственной деятельности Кёне, представляющее для реализации системы «золотое время», наличие проектов, подготовленных Гербовым отделением, не гарантировало их Высочайшего утверждения.

Вопрос о семантике герба Приморской области в отечественной историографии поднимался неоднократно, но всегда его осмысление велось только с позиций композиционной исключительности областного герба [20]. В свете обнаружения проекта герба идентичного областному, разработанного для г. Николаевска, вполне правомерно закрепить приоритет рассмотрения семантики этого герба, прежде всего, за городским гербом Николаевска, руководствуясь его более ранним (по времени создания) появлением, но, конечно же, с учетом верховного областного статуса города, что само по себе ставит подобный городской символ выше, чем просто символ, отражающий только город, а затем уже переносить его семантику на областной вариант герба Приморской области как вторичный по отношению к городскому.

Семантика герба, в сравнении с гербом Камчатским, в основе осталась прежней, но благодаря столбу получила новый характер, как справедливо отмечает Королук, отразила географическое пространство [21, с. 88, 89]. С одной оговоркой, восприятие всех гор в округе в качестве огнедышащих не требовалось, среди немногих, герб обладал слишком заметной, вполне европейской символикой, что бы можно было от нее отказаться. В данном случае европейская геральдика хорошо знакома с фигурами гор в различных модификациях, непосредственно вулканы как частный случай горы значительно более редки (так как и сами огнедышащие горы представляют природную редкость) [22]. А в случае с гербом шведской провинции Вестманланд (Västmanland) из знаменитого труда Э. Дальберга (Erik von Dahlberg) на великолепной по исполнению гравюре мы видим практически идентичный герб, включая даже тип короны и наличие перевитых лентами дубовых ветвей [23, с. 35].

На этом вопрос о гербе Приморской области можно было бы считать закрытым, но в 1877 г. происходит новый виток, совершенно неожиданно породивший создание еще одного проекта областного герба.

4 июня 1877 г. из Главного управления Восточной Сибири (г. Иркутск) в Николаевск-на-Амуре военному губернатору контр-адмиралу К.А. Эрдману поступила телеграмма: «Поручению председательствующего Совета прошу первую же почтою выслать в Главное Управление рисунок герба Приморской области, присовокупив когда утвержден герб этой области. Член Совета Сиверс» [24].

Хронологически этот запрос совпадает по времени с возможным сбором материала по ранее утвержденной губернской и областной символике, массовое утверждение которой состоится через год – в июле 1878 г. Вполне вероятно, интерес о наличии герба был связан не с инициативой Главного управления Восточной Сибири, а запросом из Гербового отделения, собирающем информацию о ранее утвержденных губернских и областных гербах, а Главное управление лишь перенаправило его на места.

Приморский областной совет, выяснив, что «герба собственно для Приморской области утверждено не было, а был Высочайше утвержден в 22 день июня 1851 года Герб для Камчатской области (ПСЗ РИ 1851 г. № 25329)», воспринял данный запрос как обязательство к представлению утвержденного герба, приступил к его разработке, и уже через неделю утвердил «рисунок предположительного герба Приморской области, который должен являть собою: Щит в золотом поле, разделенный на две равные части рекою, посреди которой помещена рыба (эмблема судоходства и рыболовства, доставляющего главное питание всему населению), в верхней части щита изображены крестообразно два двухлапных морских якоря (морская эмблема), а в нижней части щита изображен соболя (эмблемы: звероловства и главного богатства края). Щит увенчан золотою Императорскою короною» [25]. Главным отражением Приморской области были выбраны приморский характер области, судоходство и рыболовство, а также богатство пушным зверем. Судя по виду золотой императорской короны, она была скопирована все с того же герба Камчатской области 1851 г., единственного известного здесь.

Решение о гербе было утверждено военным губернатором области, и еще через неделю «копию с журнала Приморского Областного Совета и рисунок предполагаемого Герба Приморской области» препроводили в Главное управление Восточной Сибири [26].

В.П. Королук отмечает, что неоднократные запросы о судьбе герба отправлялись в течение четырех лет [27]. И только 19 сентября 1881 г. Главное управление Восточной Сибири известило военного губернатора Приморской области: «Вследствие представления предместника Вашего от 18 Июня 1877 года за № 3283, честь имею уведомить, что герб Приморской области Высочайше утвержден 5 Июля 1878 г. и помещен на 76 странице отпечатанного в картографическом заведении Ильина издания: «Гербы Губерний и Областей Российской Империи. СПб. 1880».

Герб изображает: «В серебряном щите лазуревый столб, между двух черных сопков, с червленными пламенами. Щит увенчан древнею Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровскою лентою».

О Высочайшем утверждении в 5 день Июля 1878 г. гербов губернских и областных сообщено Указом Правительствующего Сената от 1 Ноября 1878 за № 786, напечатанном в собрании узаконений и распоряжений Правительства за 1878 год, во втором полугодии.

Генерал-Губернатор Генерального Штаба Генерал Лейтенант Анучин» [28].

В следующем письме, в дополнение к письму генерал-губернатора IV отделение, видимо, опасаясь, что в приморской области издания Ильина нет, и предваряя возможные новые запросы, связанные с этим, препровождает военному губернатору Приморской области рисунок с Высочайше утвержденного герба Приморской области. На листе стоит резолюция: «Подшить. Если нет, то завести особое дело об утверждении герба для области» [29].

Административным центром Приморской области в 1878 г. еще оставался Николаевск-на-Амуре, поэтому, местный проект, если он и был доставлен из Иркутска, Гербовым отделением воспринят не был, а произошло закономерное утверждение в качестве областного герба символики уже традиционно соотносимой с областью и ее областным центром. Да и массовое утверждение гербов губерний и областей империи в 1878 г. совсем не означает, что их рисунки были спроектированы или подготовлены накануне самого утверждения. Скорее всего, когда наступил благоприятный момент для их «высочайшего утверждения», Гербовое отделение предоставило на утверждение все накопившиеся к тому времени рисунки гербов. Можно предполагать, что герб для Приморской области также существует в качестве проектного еще с 1859 г., как паракомпаньон с проектом для г. Николаевска.

В 1880 г. административное управление Приамурьем было переведено в Хабаровку, одновременно возведенную на степень города [30]. Отметим, что, если бы, административное управление областью перешло в г. Хабаровку немного раньше и на момент запроса областного герба Николаевск уже утратил бы свой статус, то было бы проблематично утвердить областной символ в неизменном виде. А вот сохранение областной или губернской символики при перенесении административного центра, несмотря на наличие у новой столицы иного герба, и при том, что предыдущий административный центр уже обладал гербом на основе губернского, вполне в традициях российской гербовой практики. Да и сама Приморская область закрепила данную практику абсолютно аналогичным повтором – после переноса 9 июня 1888 г. административного центра в г. Владивосток [31]. Владивосток уже с 1883 г. обладал собственной символикой, и в новом гербе не нуждался, да и присвоить ему герб на основе герба области было уже совершенно невозможно.

Таким образом, герб Приморской области (как герб самой области), трижды поменявшей административный центр, остается неизменным символом исключительно области и не становится основой ни для одного из городских гербов своих центров.

Вызывает удивление неинформированность областных властей, Николаевска, а потом Хабаровки о пожаловании в 1878 г. герба для Приморской области. В тексте Указа о пожаловании явно сказано: «Послать, куда следует, указы». К тому же, даже если учесть, что министр внутренних дел задержал у себя копии принятых гербов или письма с соответствующей информацией были утеряны, сообщение об утверждении гербов внесено в ПСЗ РИ, том которого, содержащий Указы 1878 г., исправно вышел в 1880 г. и был доставлен в область. Хотя здесь мог сыграть свою роль следующий субъективный фактор – в ГАХК (г. Хабаровск) том, содержащий рисунки утвержденных в 1878 г. гербов губерний и областей, отсутствует, а в томе, хранящемся в ГАПК (г. Владивосток), лист, на котором должен был быть герб Приморской области, утрачен (вырван из книги). Подозрение, что это дело рук современного любителя геральдики (80–90-х гг. XX в., времени, когда копии были недоступны, а желание обладать рисунком было более чем велико), с учетом вышесказанного, сменилось предположением, что это вполне мог быть художник-копиист, или чиновник Приморской области кон. XIX – нач. XX в., решивший не утруждать себя переноской тяжелого и объемного тома из ПСЗ РИ.

Теоретически герб Приморской области мог стать символом и для ее нового центра – г. Хабаровки, своего герба не имевшего. Такой вариант был возможен, поскольку герб Николаевска-на-Амуре остался неутвержденным и формально его можно было бы использовать для символизации Хабаровска. Николаевск-на-Амуре после утраты статуса города областного теряет и моральное право на символику герба области, так как принятие такого герба, создавало бы путаницу в восприятии административного центра.

Однако, чтобы придать Хабаровску герб, аналогичный областному, согласно системе Б.В. Кёне, должны были соответственно измениться околочитовые украшения – сверху золотая трехзубцовая башенная корона, по сторонам окружение двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою. Хабаровск, для обозначения собственно городского статуса, даже учитывая его областной характер, не имел права использовать областные украшения, то есть областные украшения в гербе г. Хабаровска однозначно неприемлемы ни как городу – областно-

му центру, ни, тем более, как простому городу. Гипотетически перенеся возможность перехода символики областного герба в герб Владивостока и учитывая, что околощитовые украшения для него как приморского города должны были состоять из морских якорей, мы получили бы герб полностью идентичный проекту герба г. Николаевска. Хабаровск в этом отношении обладал бы символикой гораздо более слабой – вулканы на его щите находились бы в обрамлении колосьев, что привело бы к потере экспрессии и силы герба – природная, неуправляемая стихия, страшная и величественная по своей мощи, находилась бы в окружении колосьев – как одного из символов преобразования человеком природы, стремлению к подавлению ее стихии. Да и после утраты статуса областного города вынужден был бы внести в этот герб вольную часть с тем же гербом, что привело бы к полному дублированию символа в пределах одного щита.

Ссылки и примечания:

1. Герб и флаг России. X–XX веков. М., 1997.
2. Там же. С. 321.
3. Медведев М.Ю. Роль профессиональных концепций в формировании российской геральдики // Геральдика сегодня. Научно-просветительский ресурс о современном российском герботворчестве. URL: <http://sovet.geraldika.ru/article/4669> (дата обращения: 19.05.2013).
4. Подобные оценки см.: Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минц-кабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Вып. VIII. С. 151–154; Пчелов Е.В. Приложение. Создатель герба Российской империи (Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету) // Пчелов Е.В. Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 80–86; Куренная И.Г. Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2010. С. 197–204.
5. ПСЗ РИ. Т. XXXII. № 32037.
6. Медведев М.Ю. Указ. соч.
7. Там же.
8. Куренная И.Г. Указ. соч.
9. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXI. № 31080. Николаевский пост был основан 1 (13) августа 1850 г.
10. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. № 33862.
11. Ерочкин Н.П. Гербовое отделение сенатского Департамента Герольдии в начале XX века // Геральдика: материалы и исследования: сб. науч. трудов / Государственный Эрмитаж; науч. ред. Г.В. Вилинбахов. Л., 1987 (1988).
12. Богатов К.М. Классическая серия. Две тысячи знаков за 10 лет. Ч. 2. Проекты гербов городов Российской Империи // Гербовед. 2000. № 8 (46). С. 130–169.
13. Описание этого гербового проекта сделано по аналогии с описанием герба Приморской области 1878 г., позднее созданного на его основе.
14. РГИА Ф. 1343, Оп. 15, Д. 295, Л. 5.
15. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXVI. № 25329.
16. О гербе Камчатской области // Геральдические ведомости (Москва). 1996. № 2 (14).
17. Цит. по: О гербе Камчатской области // Геральдические ведомости (Москва). 1996. № 2 (14).
18. Символы и эмблемата указом и благоповедении Его Освященного Величества, Высокодержавнейшего и Пресветлейшего Императора Московского, Великого Государя, Царя, и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России, и иных Многих Держав, и Государств, и Земель Восточных, Западных и Северных самодержца, и Высочайшего монарха напечатаны. СПб., 1719. С. 169, 179.
19. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIV. № 39264.
20. См.: Королук В.П. Первый герб Приморской области: «предполагаемый» и утвержденный // Вестник Камчатского государственного университета. 2002. Вып. 1. С. 203–204; Его же. История с дальневосточными гербами // Дальний Восток. 2003. № 6. С. 190–195; Его же. Герб как карта // Гербовед. 1997. № 2 (14). С. 88, 89; Его же. Истории & фантазии. Владивосток, 2004. С. 23–25; Кандауров И.И., Стрелова О.Ю. Символика Хабаровского края. Хабаровск, 1997. С. 16, 17.
21. Королук В.П. Герб как карта // Гербовед. 1997. № 2 (14).
22. Neubecker O., Rentzman W. 10000 [Zehntausend] Wappen und Embleme von Staaten und Städten nach Bildmotiven angeordnet mit alphabetischem Register. München, 1989. S. 126–130; Neubecker O. Grosses Wappen-Bilder-Lexikon der bürgerlichen Geschlechter Deutschlands, Österreichs und der Schweiz. 2. Aufl. Augsburg, 1992. S. 86–90.
23. Dahlberg E. von Suecia Antiqua et Hodierna. [Stockholm, 1693–1714]. Т. II.
24. Цит. по: Королук В.П. Первый герб Приморской области: «предполагаемый» и утвержденный. // Вестник Камчатского государственного университета, 2002. Вып. 1. С. 203–204.
25. Цит. по: Королук В.П. Указ. соч. С. 203–204.
26. Королук В.П. Указ. соч. С. 203–204.
27. Там же.
28. РГИА ДВ Ф. 1, Оп. 1, Д. 837, Лл. 1-1 об.
29. РГИА ДВ Ф. 1, Оп. 1, Д. 837, Л. 2.
30. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LV. № 61170.
31. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. VIII. № 5316.

References and notes:

1. *Coat of arms and flag of Russia. X-XX centuries* 1997, Moscow.
2. *Coat of arms and flag of Russia. X-XX centuries* 1997, Moscow, p. 321.
3. Medvedev, MY 2013, 'The role of professional concepts in shaping Russian heraldry', *Heraldry today. Research and educational resource on contemporary Russian creativity of coat of arms*, retrieved 19 May 2013, <<http://sovet.geraldika.ru/article/4669>>.

4. For more estimates, see: Spasskiy, IG 1970, 'Numismatics at the Hermitage. Outline of the History Mintz-office – Numismatics Department', *Epigraphy and numismatics*, Moscow, issue VIII, p. 151-154; Pchelov, EV 2005, 'The application. Creator of the coat of arms of the Russian Empire (Baron BV Ken: the finishing touches to the portrait)', in Pchelov, EV, *The Russian national emblem: Composition, style and semantics in a historical context*, Moscow, p. 80-86; Kurennaya, IG 2010, Territorial symbols of Eastern Siberia (the second half of XVII – beginning of XX century), Novosibirsk, pp. 197-204.
5. *CCL RI*, vol. XXXII, no. 32037.
6. Medvedev, MY 2013, 'The role of professional concepts in shaping Russian heraldry', *Heraldry today. Research and educational resource on contemporary Russian creativity of coat of arms*, retrieved 19 May 2013, <<http://sovet.geraldika.ru/article/4669>>.
7. Medvedev, MY 2013, 'The role of professional concepts in shaping Russian heraldry', *Heraldry today. Research and educational resource on contemporary Russian creativity of coat of arms*, retrieved 19 May 2013, <<http://sovet.geraldika.ru/article/4669>>.
8. Kurennaya, IG 2010, Territorial symbols of Eastern Siberia (the second half of XVII – beginning of XX century), Novosibirsk, pp. 197-204.
9. *CCL RI*, coll. 2nd, vol. XXXI, no. 31080. Nicholas post was established on 1 (13) August 1850.
10. *CCL RI*, coll. 2nd, vol. XXXIII, no. 33862.
11. Eroshkin, NP 1987 (1988), 'Heraldic Senate office of the Department of Heraldry in the early twentieth century', in GV Vilinbakhov (ed.), *Heraldry: Materials and Research: scientific papers*, Leningrad, The State Hermitage Museum.
12. Bogatov, KM 2000, 'Classic series. Two thousand characters for 10 years. Part 2. Projects of arms of cities of the Russian Empire', *Gerboved*, no. 8 (46), pp. 130-169.
13. Description of this heraldic design is made by analogy with the description of the coat of arms of the Primorye Region of 1878, which was the origin of it.
14. *RSHA*, f. 1343, op. 15, d. 295, l. 5.
15. *CCL RI*, coll. 2nd, vol. XXVI, no. 25329.
16. 'On the coat of arms of the Kamchatka Region' 1996, *Herald Gazette* (Moscow), no. 2 (14).
17. Cit. by: 'About the coat of arms of the Kamchatka Region' 1996, *Herald Gazette* (Moscow), no. 2 (14).
18. *Symbols and emblemata decree and His Sanctified blagopovedenii Majesty, the Emperor Vysokoderzhavneyshiy Most Bright and Moscow, the Great Emperor, the King and Grand Duke Peter I, of all the great and small, and Bela Russia, and many others of the Powers and States, and the Lands of the Eastern, Western and Northern monarch, monarch and Supreme printed 1719*, St. Petersburg, pp. 169, 179.
19. *CCL RI*, coll. 2nd, vol. XXXIV, no. 39264.
20. See: Korolyuk, VP 2002, 'The first emblem of the Maritime region, "prospective" and approved', *Bulletin of the Kamchatka State University*, issue 1, pp. 203-204; Korolyuk, VP 2003, 'The story of the coat of arms of the Far East', *Far East*, no. 6, pp. 190-195; Korolyuk, VP 1997, 'Coat of arms of the card', *Gerboved*, no. 2 (14), pp. 88, 89; Korolyuk, VP 2004, *Stories & fantasy*, Vladivostok, pp. 23-25; Kandaurov, II & Strelova, OY 1997, *Symbolism of the Khabarovsk Territory*, Khabarovsk, pp. 16, 17.
21. Korolyuk, VP 1997, 'Coat of arms of the card', *Gerboved*, no. 2 (14).
22. Neubecker, O & Rentzman, W 1989, *10000 [Zehntausend] Wappen und Embleme von Staaten und Städten nach Bildmotive angeordnet mit alphabetischem Register*, München, ss. 126-130; Neubecker, O 1992, 'Grosses Wappen-Bilder-Lexikon der bürgerlichen Geschlechter Deutschlands', *Österreichs und der Schweiz*, 2. Aufl. Augsburg, ss. 86-90.
23. Dahlberg, E. von 1693-1714, *Suecia Antiqua et Hodierna*, Stockholm. vol. II.
24. Cit. by: Korolyuk, VP 2002, 'The first emblem of the Maritime region, "prospective" and approved', *Bulletin of the Kamchatka State University*, issue 1, pp. 203-204.
25. Cit. by: Korolyuk, VP 2002, 'The first emblem of the Maritime region, "prospective" and approved', *Bulletin of the Kamchatka State University*, issue 1, pp. 203-204.
26. Cit. by: Korolyuk, VP 2002, 'The first emblem of the Maritime region, "prospective" and approved', *Bulletin of the Kamchatka State University*, issue 1, pp. 203-204.
27. Cit. by: Korolyuk, VP 2002, 'The first emblem of the Maritime region, "prospective" and approved', *Bulletin of the Kamchatka State University*, issue 1, pp. 203-204.
28. *RSHA*, lw f. 1, op. 1, d. 837, ll. about 1-1.
29. *RSHA*, lw f. 1, op. 1, d. 837, l. 2.
30. *CCL RI*, coll. 2nd, vol. LV, no. 61170.
31. *CCL RI*, coll. 3rd, vol. VIII, no. 5316.